

ИСТОРИЯ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ НАУКИ

УДК 82.0(092)

А.С. АРХАНГЕЛЬСКИЙ КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ТВОРЧЕСТВА В.А. ЖУКОВСКОГО

Л.Я. Воронова

Аннотация

В статье рассмотрена история издания двух «Полных собраний сочинений В.А. Жуковского» под редакцией А.С. Архангельского, выявляются принципы, которыми руководствовался он как исследователь и редактор.

В истории изучения жизни и творчества В.А. Жуковского особое место принадлежит профессору Казанского государственного университета Александру Семеновичу Архангельскому [1] как составителю и редактору двух Полных собраний сочинений В.А. Жуковского. Более ста лет издание 1902 г. в 12-ти томах [2] считалось самым полным собранием сочинений поэта, на него опирались в своих исследованиях как отечественные, так и зарубежные ученые. Что же касается издания 1918 г. [3], то о нем, к сожалению, как-то забыли и перестали упоминать в библиографиях и трудах о Жуковском [4]. Наша цель – проследить, в каком направлении и в каких формах шло осмысление Архангельским творчества Жуковского, что позволит вписать еще одну страницу в научную биографию Архангельского и историю литературоведения в Казанском университете. Предметом изучения послужили статьи Архангельского разных лет, издания сочинений В.А. Жуковского, а также материалы из рукописных фондов Института русской литературы АН (Пушкинский Дом), Государственной национальной библиотеки (СПб.), Национального архива Республики Татарстан (НА РТ).

Первое обращение А.С. Архангельского к творчеству В.А. Жуковского произошло в 1883 г. и носило, можно сказать, случайный характер: по поручению историко-филологического факультета 29 января 1883 г. молодой доцент выступил с докладом «В.А. Жуковский. Первые годы его жизни и поэтической деятельности (1783–1816)» на торжественном заседании в актовом зале Казанского университета. Безусловно, Архангельский не проводил исчерпывающего исследования творчества и биографии поэта, поскольку его научная специализация была другой (древнерусская литература), и не претендовал на новизну материала. Как было принято в жанре юбилейной публичной речи, на основе

существующих статей, эпистолярных и мемуарных источников здесь представлена личность Жуковского.

Изложение последовательно-хронологическое, охватывает период 1783–1816 гг.: раскрываются события жизни начиная с рождения, выявляются субъективные и объективные факторы, оказавшие влияние на формирование его мировоззрения и характер творчества. Однако в отличие, например, от А.Н. Пыпина, который, как правило, мало внимания уделял собственно анализу литературного творчества писателей и критиков (а в биографии Белинского вообще от него отказался), Архангельский связывает факты биографии Жуковского с его творчеством. Оно является для него результатом как внешних, идущих от общества, так и, главным образом, внутренних, духовных, импульсов. «Характер всей его поэзии, – подчеркивает Архангельский, – <...> исключительно зависел от *личного идеально-мистического настроения* поэта». «Обстоятельства времени, *сентиментально-меланхолические литературные вкусы*, развившиеся в нашем обществе к этому времени, – как нельзя лучше пришлись к субъективному, личному настроению поэзии Жуковского» [5, с. 46–47]. Все положения и выводы Архангельского основаны на конкретном анализе произведений Жуковского. Выделены ключевые слова, выражающие мирозерцание поэта, его философское отношение к жизни, и обозначены основные мотивы ранней лирики, которые получают развитие в дальнейшем.

Особый интерес, на наш взгляд, представляет третья часть речи, где Архангельский попытался дать самостоятельное освещение одного из эпизодов из биографии Жуковского: служба Жуковского в качестве воспитателя наследника, близость его двору и последовавшее охлаждение к нему многих друзей и современников, расценивших это как измену демократическим взглядам. Архангельский на конкретных фактах, некоторые из которых редко упоминались биографами, доказывает, что Жуковский никогда не изменял высоким нравственным идеалам. Это и заступничество Жуковского за Пушкина, Гоголя, Языкова, Шевченко и малоизвестного писателя Мещевского, сосланного в Сибирь; поддержка профессоров Дерптского университета и т. д. «*Осуждая виновных, щадите университет! Он и без того упадет... Неужели всему должно у нас, не созрев, разрушиться? Неужели России должно быть грудью развалин, покрытых лаврами, которые засохнут...*» [5, с. 50]. В стенах Казанского университета эти слова Жуковского, безусловно, прозвучали особенно актуально. Заканчивается речь Архангельского итоговым выводом: Жуковский «дорог нам и как *поэт*, занимающий почетное место в общей истории наших литературно-общественных идей; он дорог нам и как *человек*, старавшийся, по силе возможностей, свои высокие нравственные идеалы осуществлять в жизни... Наконец, прибавим, он дорог нам – как защитник интересов науки, как *ходатай университета*» [5, с. 51]. Можно сказать, что основные положения концепции личности и творчества Жуковского сложились у Архангельского уже в 1883 г.

На основе этой первой работы Архангельским была подготовлена статья для Энциклопедического словаря Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона, опубликованная в 1894 г. В ней представлен уже весь период жизни В.А. Жуковского и все виды его творчества, вплоть до рисунков. Усилена здесь характеристика его как поэта субъективного чувства, занявшего свою особую позицию в отноше-

нии к господствующим литературным направлениям. Так, внесением в свою поэзию романтического содержания Жуковский значительно расширил возможности метода сентиментализма, но из романтизма он брал только то, что «отвечало его собственным идеально-мистическим стремлениям и мечтам <...> Субъективизм Жуковского был важным шагом вперед по пути отрешения русской литературы от холода псевдоклассицизма. Он внес в русскую литературу малоизвестный ей дотоле мир внутренней жизни; развивал идеи человечности и своим неподдельным, задушевым чувством возвышал нравственные требования и идеалы» [6, с. 46].

Были и другие обращения А.С. Архангельского к творчеству В.А. Жуковского [7].

Когда весной 1901 г. Общество любителей российской словесности при Московском университете постановило устроить чествования памяти Н.В. Гоголя и В.А. Жуковского в связи с пятидесятилетием со дня кончины, в Совет Императорского Казанского университета было послано приглашение [8, л. 1]. И в это же время А.С. Архангельский получает от Ростислава Ивановича Сементковского, редактора журнала «Нива», предложение взять на себя хлопоты по подготовке и редактированию первого Полного собрания сочинений В.А. Жуковского. К тому времени уже имелось несколько собраний произведений Жуковского. Полного же собрания сочинений не было. Предложение было престижным и ответственным, но времени до юбилея оставалось мало. Поэтому Архангельский, хотя и сразу согласился, долго выяснял у Сементковского планы редакции относительно характера и содержания будущего издания, сроков представления и вообще, в какой степени оно «должно быть критическим и научным» [9, л. 1].

Полное собрание сочинений Жуковского планировалось издать в двенадцати томах как приложение к иллюстрированному журналу литературы, политики и современной жизни «Нива» за 1902 г.: в юбилейный год оно должно было дать читателям-подписчикам полный текст произведений Жуковского. Архангельский же хотел сделать издание не только полным и общедоступным, но и «строго научным». Существенным условием для такого типа собрания он считал «степень непосредственной близости к основным первоисточникам издания, всесторонность и обстоятельность изучения редактором рукописных и печатных материалов, в особенности имеющих налицо подлинных рукописей автора», текстологическую и библиографическую точность, широкий охват материала, самостоятельность, «воодушевление» и «благоговение» к издаваемому писателю [10, с. 4, 57]. И поскольку Сементковскому «дело представлялось... менее сложным», Архангельский в письме от 4 мая 1901 г. изложил требования «со стороны научной», которые «считал для себя обязательными в отношении к проектируемому изданию»: «Точная проверка» текста должна быть выполнена как по *первопечатным изданиям* сочинений Жуковского, по тем изданиям, которые вышли при жизни поэта, редактировались таковыми самим автором, так и по имеющимся на вид *рукописям*, для тех произведений, писем, которые издавались после смерти поэта» [9, л. 3–4]. По рукописям он планировал издать и те произведения, которые в Полном собрании сочинений Жуковского выйдут впервые. «<...> в проектируемом издании – с моей точки зрения, – пишет он, –

эта сторона должна представлять главное *преимущество* его перед всеми остальными, какие мы имеем до сих пор... Все имеющиеся до сих пор на лицо издания сочинений Жуковского не имели в виду рукописей, да и прежними изданиями, первопечатными, выходящими при жизни поэта, – пользовались случайно» [9, л. 5].

Неотъемлемой частью всякого научного издания Архангельский считал также наличие доступного и обстоятельного комментария к тексту, где бы не только давались краткие пояснения *«темных для современного читателя мест»*, но и представлены были наиболее интересные и верные указания к истории текста, варианты, редакции и т. д. «Масса приводимых вариантов, помимо непосредственного значения для истории текста, – считал Архангельский, – представляет глубокий интерес в другом отношении: приводимые варианты нередко раскрывают перед нами внутренний *процесс творчества* поэта, представляют рост его поэтического таланта» [10, с. 22–23].

Уговаривая Сементковского разрешить расширенные «примечания», хотя бы в объеме двух-трех печатных листов на том, Архангельский подчеркивал: «Материалов, чрезвычайно ценных и интересных, такого рода будет не мало, материалы эти накопятся у меня само собой при сличении текстов первопечатных и рукописных, и бросать их было бы просто жаль; тем более что такого рода указания – повторяю, в объеме лишь самого существенного и интересного – значительно бы подняли научную ценность и основного текста и всего вообще издания» [9, л. 8].

Столь же категоричен он был и в решении вопроса о сопроводительной статье. Принятый в изданиях собраний сочинений жанр биографии Архангельский предлагал заменить очерком жизни и характеристикой творчества, заключающим в себе «результат всего предшествовавшего изучения жизни и поэтического творчества поэта» [10, л. 9]. Эти требования он ставил не только Сементковскому, но и себе, ведь будущему изданию он «давал свое имя» [9, л. 11].

В основу нового собрания было положено пятое издание сочинений Жуковского, вышедшее при его жизни и отредактированное им самим (СПб., 1849–1857). Учитывалось, безусловно, и собрание сочинений Жуковского под редакцией П.А. Ефремова, которое он считал лучшим из имеющихся (СПб., 1878). Кроме того, с Ефремовым Архангельский был лично знаком.

Уже в октябре 1901 г. Архангельский пишет Александру Николаевичу Веселовскому: «В Жуковского ушел по самую голову, – пожалуй, теперь и головы не видно. Тороплюсь!..» [11]. Он проводит учет всех существующих публикаций сочинений Жуковского в журналах, альманахах, в собраниях сочинений, сборниках, отдельных изданиях, анализирует мемуарные и эпистолярные источники, сверяет опубликованные материалы по рукописям поэта, занимается вопросами языка, истории текста, хронологией.

Например, в письме от 23 октября 1901 г. он сообщает Веселовскому об окончании статьи об орфографии Жуковского и замечает: «<...> данные любопытные; правописание Жуковского пережило в некотором смысле свою *историю* – целый ряд последовательных *изменений*. Данные для этой истории дают, конечно, прежде всего, печатные издания, вышедшие при жизни поэта, а затем и его рукописи. Последние, впрочем, чаще всего говорят не о правописании

поэта, особенностях этого правописания, а о том, что он *очень много заботился* об этом правописании, не страшись, например, самым настойчивым образом (раз 6–7 в одном и том же автографе) писать, например, беседа, беседовати, – обрести, приобретение, – бездна и т. д. Изложение, то есть вообще известное упорядочение орфографии у Жуковского шло в связи и с общим упорядочением этого дела в нашей печати» [11, л. 23].

На подготовку томов уходило все свободное время, летний отпуск, так как от занятий профессора Архангельского, единственного специалиста по русской литературе в университете, никто не освобождал. Да еще работа в должности председателя Общества любителей русской словесности в память А.С. Пушкина при Императорском Казанском университете, руководство студенческим литературным кружком требовали много сил и времени. Александр Семенович буквально разрывался между Казанью и Санкт-Петербургом, где работал с архивами Жуковского, научной литературой о нем, консультировался с другими специалистами, искал новые материалы в других собраниях, просматривал корректуру. Он даже просил друзей присылать ему корреспонденцию на Императорскую Публичную библиотеку в Рукописное отделение.

Но чем больше Архангельский погружался в работу, тем острее чувствовал неудовлетворенность результатами своего труда. Чрезвычайно ценные материалы, обнаруженные им при сличении текстов первопечатных и рукописных, накапливались у него, но он не мог их обнародовать, так как редакция «Нивы» не была заинтересована в научных комментариях к каждому тому, в публикации вариантов, поскольку это увеличивало объем и стоимость книг. Архангельский жаловался Веселовскому, что в томах «помещаются лишь самые незначительные извлечения» из даваемых им «примечаний» и делаются они даже помимо его воли, самой редакцией: «<...> берется лишь самое необходимое, что может быть более или менее интересно для большинства» [11]. Сами же «примечания» набирали «убористым шрифтом, делающим находящиеся здесь «сочинения» совершенно недоступными» [9, л. 14]. В корректуре не соблюдалась «строжайшая точность» по отношению к тексту 1849 г., было много ошибок.

Осенью 1902 г. печатание приложения к «Ниве» заканчивалось. То ли желая угодить Архангельскому, то ли стремясь использовать его научный опыт и трудолюбие в своих целях, в марте 1902 г. Р.И. Сементковский предложил Архангельскому «интересную комбинацию»: параллельно подготовить и издать другое Полное собрание сочинений Жуковского с учетом требований самого ученого, на что тот с радостью согласился. «Особенного ничего не имею против Вашей новой комбинации; отчасти, даже доволен ею: это дает мне возможность в значительной степени *улучшить* издание. Разумею *примечания*, – их научную и всякую обстоятельность. Постараюсь отделать их так, чтобы «комар носу не подточил» [9, л. 10–11]. Новое собрание сочинений Жуковского планировалось в трех томах, по 4 тома в каждом, с улучшенными «примечаниями».

«Подготавливаемое мною издание, – другое, помимо того, которое дается теперь в приложениях к журналу «Нива», – сообщает Архангельский Павлу Васильевичу Жуковскому, – не только будет *наиболее полным* из всех имеющихся у нас теперь на лицо изданий сочинений Вашего отца, но и снабжено

обширными «примечаниями», для возможно полного, всестороннего освещения литературной деятельности великого писателя» [12]. А это из письма А.Н. Веселовскому от 16 мая 1902 г.: «примечания» в *их полном виде* будут напечатаны лишь при *новом* издании, которое выйдет в сентябре вслед за окончанным приложением к «Ниве» [11].

Таким образом, с марта 1902 г. Архангельский ведет два собрания сочинений Жуковского: одно – по контракту, другое – для души.

«Как-то иронично звучали для меня Ваши слова в одном из последних писем – Ваш горячий призыв «приняться за дело»!.. Самой горькой иронией!.. Вот скоро ровно будет год, как я за этим «делом» сижу не отрываясь, оставил все остальное! – пишет он Р.И. Сементковскому 19 сентября 1902 г. – Не думайте, что я здесь жалуясь: ничуть! Этим «делом» я занимаюсь с великим удовольствием, оно доставляет мне только наслаждение; тяжесть для меня (признаюсь, страшная тяжесть!) лишь эта спешка, срочность, хотя я, конечно, вполне понимаю ее неизбежность и необратимость!.. Самая же работа, повторяю, дает мне полное удовлетворение, и я вполне сознательно с первых же шагов придал ей характер, какой совсем не требовался собственно для «примечаний» к «Ниве» [9, л. 15].

Усилия Архангельского были вознаграждены, находки следуют одна за другой – неизданные стихотворения, письма, пьесы. О некоторых из них он тут же «с радостью» информирует А.Н. Веселовского. Так, в письме от 20 июля 1902 г. – известие о черновой рукописи «комической оперы» «Богатырь Алеша Попович, или страшные развалины» и найденном в Центральной библиотеке Императорских театров списке («все три акта сполна, – и в цензурном экземпляре!») перевода комедии Скриба «Валерия» [11, л. 23]. А через три недели, в письме от 12 августа, он делится (по секрету) «еще более чем приятным известием» – в рукописях одной из Театральных библиотек обнаружен перевод комедии А. Коцебу «Ложный стыд», совершенно неизвестный ученым [13].

Сообщения он иногда сопровождает подробным описанием рукописей, версиями относительно личности переписчика, хронологии, даже проводит небольшие расследования. Так, например, после сообщения об открытии комедии Коцебу Архангельский пишет: «Рукопись, судя по бумаге и почерку, относится к самым первым годам поэтической деятельности Жуковского, к 1801–1805 гг., не позже, почерк едва ли не А.А. Протасовой, которая вообще так усердно трудилась над перепиской первых произведений Жуковского. На заглавном листе: «Перевел с немецкого *губернский секретарь Василий Жуковский*»; заглавие самой пьесы: «Комедия Ложный стыд, в четырех действиях, г. Коцебу» [11, л. 25 об.–26].

Не удовлетворившись гипотезой относительно даты перевода, Архангельский идет дальше: «Судя по тому, что «Василий Жуковский» титулуется здесь «губернский секретарь» – перевод должен быть отнесен к 1801–1802 г.: в одном из писем к Тургеневу Жуковский замечает: «О прежней службе моей скажу только то, что я вошел в Главную (городскую?) соляную контору *городским* секретарем в 1800 году, вышел из нее титулярным советником в 1802-м...». Что касается до «городского» секретаря, – то здесь описка?.. Ведь такого, кажется, чина нет?.. Есть «губернский секретарь»?.. Впрочем, чувствую полную

некомпетентность в столь (или этом?) важном вопросе, нужно обратиться к людям «сведущим»... Как бы то ни было, «губернский секретарь Василий Жуковский» – (безусловно или бесспорно?), наш общий приятель Василий Андреевич Жуковский... Как Вы думаете?.. Недаром же Тургенев говорит о своем «дружеском круге» 1801–1802 г., что они перевели всего Коцебу?.. Андреем Тургеневым тоже была переведена одна из комедий Коцебу... Напишите Ваше мнение» [11, л. 26–26 об.]. А в верхнем углу первой страницы письма приписка: «Сейчас сделал справку в «Записной книге» Риккера на 1902 г., где помещены «Сравнительные таблицы российских чинов», – «чины» следуют в таком порядке (снизу): *коллежский регистратор*, – *губернский секретарь*, – *коллежский секретарь*, – *титularный советник*...» [11, л. 24].

Заметим, что недоразумения Архангельского относительно определения чина Жуковского – «городской секретарь» – удачно разрешит впоследствии В.И. Резанов, сославшись на второй том «Русского Архива» за 1902 г., где был опубликован формулярный список о службе ординарного академика Императорской академии наук, тайного советника В.А. Жуковского, составленный в июле 1850 г. Там сказано: «Определен в главную Соляную контору с переименованием в городские секретари 1800 г. февраля 15-го. Переведен в губернные секретари 1800 г. октября 18-го» [14, с. 277].

Как видим, Архангельскому повезло. В Центральной библиотеке Императорских театров (отд. I, № 7.483.) он нашел никому не известный перевод пьесы «Ложный стыд» Коцебу, сделанный Жуковским. Причем совершенно очевидно, что это первый перевод пьесы в России, так как перевод П. Шварца издан был в 1803 г. Естественным кажется стремление ученого разобраться в загадках источника, посоветоваться с коллегой, чтобы развеять все сомнения относительно авторства Жуковского. Но нас удивляет открытость и даже, можно сказать, щедрость Архангельского. Он не только рассказывает о своих открытиях, отвечает на вопросы о новых материалах, но даже предлагает Веселовскому сделанные им от руки копии неопубликованных рукописей, корректуру своих «примечаний», печатные гранки, хотя знает о его работе в это время над книгой о Жуковском, выхода которой, кстати, очень ждет.

Приведём несколько примеров.

29 сентября 1901 г.: «Глубокоуважаемый Александр Николаевич! Спешу уведомить Вас о получении мною моих рукописей, – очень и очень рад, если они Вам хоть сколько-нибудь пригодились!.. Своим прибытием они далеко *не* опоздали...» [11].

12 августа 1902 г.: «Валерия» Жуковского переведена была в самом конце 1823 года; на сцене поставлена была 17 декабря 1823 года. Найденный мною экземпляр – *цензурный* (впрочем, я, кажется, писал об этом), цензурная помета: «29 ноября 1823 года». В Публичной библиотеке есть начало главы, черновые листы; этот, вновь найденный, имеет собственноручные поправки Жуковского» [11, л. 25–25 об.]. А это уже о комедии «Ложный стыд»: «Если Вы особенно заинтересуетесь, – как только спишу комедию, могу немедленно Вам ее *выслать*: до первых чисел сентября (до моего отъезда) она мне будет не нужна» [11, л. 26 об.].

14 октября 1902 г.: «Пишу Вам несколько строк... Будьте добры, поторопитесь выслать мне оставленные у Вас материалы, – *рукописные*: дошла до них очередь!.. Печатные гранки не нужны...» [11, л. 27].

23 февраля 1903 г.: «Прислали мне, по обыкновению, в двух экземплярах (о новых гранках – *Л.В.*), один из них занес к Вам. Строго не судите: корректура совсем первая» [11, л. 27].

9 января 1904 г.: «Письмо Ваше получил, но отправить на него ответ должен уже из Казани: сегодня уезжаю, и должен справиться в своих «примечаниях». Замечу лишь, что стихотворение («Ночь» – *Л.В.*) это не исключено мною совсем, но помещено лишь под другим годом, помнится, 1815. Под этим же годом оно, кажется, и у Ефремова в 8-м издании. Во всяком случае, повторяю, необходимо справиться с «примечаниями», и как только вернусь в Казань, немедленно точно и подробно отвечу Вам по поводу интересующего Вас пункта» [11, л. 35–36].

19 января 1904 г.: «Спешу ответить на Ваш вопрос <...> Стихотворение «Ночь», вместе с тремя другими («Голос с того света», «Песня», – «где фиалка...») и еще «Песня» – «Птичкой певичкою») помещены мною под 1815-м годом, согласно с изданием 1849-го года, где все эти четыре стихотворения отнесены автором к этому году, и где помещены в этом же порядке, как у меня¹. Точно также поступил с этими стихотворениями и Ефремов в двух первых своих изданиях «Сочинений» Жуковского (1878 и 1885); в третьем своем издании (1895) и последнем (1901) он отнес стихотворение «Ночь» к 1825-му году, без указания оснований к этому, но, очевидно, по времени появления в печати (в «Санкт-Петербургских известиях», 1825). В какой степени основательно такое изменение, и мог ли поэт ошибиться на целых десять лет, – предоставляю судить другим; но так как прямых, фактических оснований к такому перемещению *нет*, то я и не считал себя в праве отступить от издания 1849-го года. Некоторые основания для перемещения «Ночи» в более поздний период, например, около 1823-го года, есть, – и я указываю это основание в «примечаниях»; но тогда «Ночь» нужно отнести к 1823-му году, а не к 1825-му. Но самое основание довольно условное. Вот оно: в папке бумаг Жуковского (№ 26, л. 42) имеется небольшое камерное стихотворение, писанное (или переписанное?) в декабре 1823 года, – *наверху текст* имеет помету: «Дочр.д.26.1823», но писан неизвестной рукой. Стихотворение это – оригинал стихотворения «Ночь»; между строками наверху текста набросана карандашом рукою Жуковского «первоначальная»? редакция стихотворения «Ночь»... Ср. у *Бычкова*, бумаги Жуковского, с. 57–58. Таким образом, вопрос сводится к дате под последним текстом, переписанным неизвестною рукою. Как смотрите на эту дату? Во всяком случае, повторяю, основание к перемещению есть, но в 1823 год, а не 1825. Со своей стороны, я счел более осторожным не отступать от издания 1849 года и лишь указать все эти соображения в «примечаниях». Вот факты; выводите из них заключения сами» [11, л. 37–38 об.].

А.Н. Веселовский в Предисловии к монографии «В.А. Жуковский. Поэзия чувства и «сердечного воображения» выразил «искреннюю благодарность» за

¹ Здесь и далее сохранены особенности орфографии и пунктуации цитируемых источников.

сообщение «дотоле неизвестных материалов», «равно как за ценные указания и помощь» ряду лиц, и Архангельский назван первым [15, с. 15]. Кроме того, Веселовский неоднократно ссылается на «профессора Архангельского», порой дословно повторяет его аргументацию относительно найденных рукописных текстов. Например, о переводе «Валерии» Скриба: «Цензурный экземпляр, найденный проф. Архангельским, помечен 29 ноября; пьеса, поставленная на сцене 17 декабря, была переведена для актрисы Колосовой по просьбе Милорадовича, которому Жуковский хотел услужить, потому что и от него ожидал услуги: избавить одного бедняка из ссылки» [15, с. 32]. Или еще: «В 1801-м году вышел «Мальчик у ручья» в переводе Жуковского <...> и, очень вероятно, что именно к этому времени относится перевод комедии «Ложный стыд» с пометой на заглавном листе: «перевел с немецкого губернский секретарь Василий Жуковский». Далее ссылка на Архангельского: «Рукопись комедии недавно найдена проф. А.С. Архангельским. Жуковский писал Ал. Тургеневу, что в 1800 году он вступил в Соляную контору «городским» (вероятно, губернским) секретарем, а вышел из нее в 1802 г. титулярным советником» [15, с. 59]. Примеры можно продолжить.

Издание приложения к «Ниве» завершилось в 1902 г. Несмотря на критическое отношение самого Архангельского к своему детищу, подготовленное им Полное собрание сочинений В.А. Жуковского выгодно отличалось от других юбилейных изданий сочинений поэта. В том числе, биографическим очерком, который носит историко-литературный характер [2, т. 1, с. V–XXX]. Более подробно здесь прослеживается весь творческий путь Жуковского, сообщаются новые биографические факты. Большое внимание уделено литературно-эстетическому контексту: представлена атмосфера литературных салонов и кружков того времени; охарактеризованы литературные вкусы, круг чтения, устремления и занятия молодежи; проанализированы особенности сентиментализма и романтизма и роль западноевропейского искусства и эстетики в их становлении и развитии в России.

Так, например, Архангельский оценивает значение кружка И.И. Тургенева: он «работал прежде всего и именно над созданием *внутреннего человека*. В этом отношении или, точнее говоря, этим самым кружок Тургенева влиял на поэта, воспитывал в Жуковском прежде всего вообще человека... Под влиянием, может быть, именно этого кружка, и в частности семьи Тургенева, в глубину души Жуковского залегли те нравственные начала, те живые деятельные религиозные верования, которые так осязательно выражаются в первом периоде поэтической деятельности Жуковского и с новой силой возрождаются в последние годы его жизни, в мелких стихах теологического характера...» [2, т. 1, с. XIII]. Излагая события внешней жизни Жуковского, Архангельский дополняет их и документирует отрывками из писем самого поэта, из воспоминаний и писем его современников, приводит мнения биографов, критиков, исследователей.

Словом, сопроводительная статья вводит читателя в мир творчества Жуковского, помогает понять Жуковского – поэта и человека. Раскрывая в конкретно-исторической обстановке черты его как человека и своеобразие его произведений, не замалчивая как сильных, так и слабых сторон, Архангельский

определяет место поэта в истории литературы. «В общем ходе нашего литературного развития великое значение поэзии Жуковского состояло в том, что поэзия его, служа его личным чувствам, оставаясь почти исключительно субъективной, в то же время, этим самым служила общим интересам нашего умственного развития. Его субъективно-романтическая поэзия, значительно расширяя содержание литературных идей, <...> вносила в содержание русской литературы целый новый – мало известный у нас дотоле – мир ощущений внутренней жизни» [2, т. 1, с. XXIX–XXX].

Труд Архангельского, пожалуй, можно считать самым весомым вкладом в исследование и пропаганду наследия В.А. Жуковского в год 50-летия со дня кончины поэта. Достаточно провести сравнение, чтобы убедиться в этом.

Так, Обществом любителей российской словесности была организована совместная выставка, посвященная Н.В. Гоголю и В.А. Жуковскому, выпущен альбом и каталог выставки. В марте – апреле в Москве состоялись совместные торжественные заседания Общества с Московским университетом, на которых выступали и представители других университетов и обществ. Казанским университетом, в частности, на эти торжества были командированы с докладами Е.Ф. Будде, «как ученый, занимающийся трудами о Гоголе», и А.С. Архангельский, «известный своими работами о Жуковском» [8, л. 4, 10]. В докладах и сообщениях профессоров, критиков, литераторов затрагивались как общие, так и частные вопросы жизни и творчества поэта.

Вышел в 1902 г. целый ряд работ биографического характера (А.Д. Алферов «В.А. Жуковский. Биографический очерк», Е. Воскресенский «Василий Андреевич Жуковский. Краткий очерк его жизни и литературной деятельности, с приложением портрета и 12 стихотворений», А.П. фон Дитмар «Биография В.А. Жуковского», К. Лукашевич «Как жил В.А. Жуковский и что он писал», П. Смирновский «Василий Андреевич Жуковский. Биографический очерк» и др.). Но ни одно из юбилейных исследований по объему проделанных изысканий, по актуальности и новизне, по значению для последующего изучения наследия Жуковского все-таки не может сравниться с Полным собранием сочинений В.А. Жуковского под редакцией А.С. Архангельского.

Так, например, В.И. Резанов в монографии «Из разысканий о сочинениях В.А. Жуковского» не только постоянно ссылается на Архангельского, подчеркивает значение найденных им и опубликованных рукописных материалов, благодаря которым расширилось представление о творчестве замечательного поэта, но, опираясь на эти новые материалы, проводит собственные исследования, в том числе и сравнительно-исторического характера [14].

А.С. Архангельский как исследователь творчества Жуковского был признан современниками. В 1904 г. по приглашению В.И. Покровского он принимает участие в сборнике «Василий Андреевич Жуковский. Его жизнь и сочинения», в котором со своими статьями выступили ведущие филологи того времени. Архангельский опубликовал три статьи: «Домашнее воспитание Жуковского», «Московский благородный пансион и его влияние на поэтическую деятельность Жуковского», «Отношение Жуковского к романтическому движению» [16, с. 3–5, 10–16, 35–38]. А в третье издание сборника вошла еще одна статья Архангельского – «Литературные влияния, окружавшие Жуковского»

[17, с. 114–118]. Статьи представляют собой тематическую переработку материалов, использованных в биографическом очерке в Полном собрании сочинений В.А. Жуковского.

В дальнейшем дополняет А.С. Архангельский и статью о Жуковском для Нового энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона; вводит большой раздел, посвященный В.А. Жуковскому, в курс лекций по истории русской литературы [18, с. 232–281]; в рецензиях на «Программу по истории русской литературы и теории словесности» требует более глубокого и научного подхода в преподавании творчества Жуковского в гимназиях и школах [19, с. 85–93].

Но вернемся к истории второго Полного собрания сочинений Жуковского, над которым работал Архангельский.

Подготовка его шла с большими задержками. Сказалось отсутствие у Архангельского времени и средств на постоянные поездки в Санкт-Петербург, ухудшение здоровья, медлительность и халатность наборщиков в типографии Маркса, по вине которых редактор получал гранки в «неполном дефектном виде». А летом 1903 г. Архангельскому стало известно, что новое Полное собрание сочинений Жуковского является собственностью фирмы Маркса, поскольку, по условиям первого контракта, он не имеет права «предпринимать под свою редакцией *никакого другого издания* ни от себя, ни по поручению другой фирмы, *кроме фирмы Маркса*» [11, л. 32 об.]. Ввиду этого за новое издание Маркс отказался платить гонорар. Признав свою финансово-юридическую некомпетентность, Архангельский «потребовал из типографии Маркса все приготовленные к печати листы и прекратил набор дальнейших «примечаний» [11, л. 33 об.].

Болью и отчаянием пронизано все письмо от 5 октября 1903 г. А.Н. Веселовскому. «Пишу Вам в большом горе: «Жуковский» мой, кажется, рухнет, – и появится ли когда в свет, неизвестно...» – это начало письма. «Подписывая контракт на литературный труд, в первый раз, – сокрушается он в заключении, – я действительно не отнесся, по своей оплошности (да и неопытности), к делу с должным вниманием... Но вообще над моим Жуковским надо, видимо, поставить крест!...» [11, л. 34].

Архангельский обращался за советом и помощью не только к А.Н. Веселовскому, но и к А.А. Шахматову и др., но коллеги помочь не могли, только сочувствовали. Александр Семенович не мог вспомнить тогда, что сам передоверил право на заключение контракта о гонораре и литературной собственности Р.И. Сементковскому. Но мы подняли письмо от 4 мая 1901 г., где читаем: «...Что касается гонорара, назначить его крайне затрудняюсь... Будьте добры, возьмите это дело на себя и переговорите с А.Ф. Марксом, – имя его мне хорошо известно, и я просил бы его самого назначить условия, которые и сообщите мне. Я не думаю, чтобы из этого пункта у нас вышли большие разногласия» [9, л. 1]. Как видим, Архангельский тщательнейшим образом обговаривал все условия подготовки как первого, так и второго собрания сочинений, но не позаботился о себе, о вознаграждении за труд и защите своих авторских прав, даже не имел на руках копии контракта с издательской фирмой Маркса! Он был бескорыстным служителем науки!

После 1917 г. все издания сочинений классиков, как известно, были монополизированы государством. И пока не были подготовлены новые издания, чтобы утолить «книжный голод», классиков переиздавали в спешном порядке по старым матрицам. Так, в 1918 г. по решению Литературно-издательского отдела Комиссариата народного просвещения [3, с. II] было издано Полное собрание сочинений В.А. Жуковского в трех томах под редакцией, с предисловием, биографическим очерком и примечаниями Архангельского. Кстати, опять же в типографии Маркса, где остались гранки набранных томов. В первый том вошли стихотворения, баллады, повести в стихах, сказки, во второй – поэмы, драмы, переводы, а в третий – прозаические произведения, отрывки из дневников, письма. В остальном издание повторяет предыдущее: предисловие, биографический очерк, «примечания» остались без изменений.

Поиск развернутых «примечаний», подготовленных Архангельским в 1902–1903 гг., – одно из направлений дальнейшего исследования как жизни и творчества В.А. Жуковского, так и научной биографии казанского ученого.

Summary

L.Y. Voronova. A.S. Arkhangel'sky as an investigator of V.A. Zhukovsky works.

The story of two «Full collection of V.A. Zhukovsky works» publications edited by A.S. Arkhangel'sky are highlighted in the article. The principles used by him as an investigator and editor are revealed.

Литература

1. *Воронова Л.Я.* А.С. Архангельский. 1854–1926. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2002. – 32 с.
2. Полн. собр. соч. В.В. Жуковского: в 12 т. / Под ред. А.С. Архангельского. – СПб.: А.Ф. Маркс, 1902.
3. Полн. собр. соч. В.В. Жуковского: в 3 т. / Под ред. А.С. Архангельского. – Пг.: Лит. изд. отд. Ком. нар. просв., 1918. – Т. 1–3.
4. Полн. собр. соч. В.А. Жуковского: в 20 т. / Гл. ред. А.С. Янушкевич. – Т. 1. Стихотворения 1797–1814 г. – М.: Языки рус. культуры, 1999.
5. *Архангельский А.С.* В.А. Жуковский (1783–1852). Первые годы его жизни и поэтической деятельности (1783–1816). – Казань: Тип. Имп. Каз. ун-та, 1883. – 51 с.
6. Энциклопедический словарь / Изд. Ф.А. Брокгауз и И.А. Ефрон. – СПб., 1894. – Т. XII. – П/т. 23.
7. *Архангельский А.С.* Новый труд о Жуковском. Бумаги В.А. Жуковского, поступившие в Императорскую Публичную Библиотеку в 1884 г. Разобраны и описаны Иваном Бычковым. СПб., 1887 // ЖМНП, 1888. – № 1. – Отд. 2. – С. 183–197.
8. О чествовании 50-летия со дня кончины великих писателей Н.В. Гоголя и В.А. Жуковского. 4 июля 1901 – 22 февраля 1902 г. – НА РГ. – Ф. 977. Оп. ист.-фил. ф. – Д. 1819. – 10 л.
9. *Архангельский А.С.* Письма к Р.И. Сементковскому (15 апреля 1901 – 21 марта 1918 гг.). – ИРЛИ. – Ф. 446. – Ед. хр. 38.
10. Архангельский А.С. Академическое издание сочинений Пушкина. Соч. А.С. Пушкина. Издание Императорской Акад. Наук. Т. 1. Лирические стихотворения. 1812–1817. СПб., 1899. – Варшава, 1900. – 57 с.

11. *Архангельский А.С.* Письма к А.Н. Веселовскому. 1883–1904. – ИРЛИ. – Ф. 45. – Оп. 3. – № 95.
12. *Архангельский А.С.* Письмо к П.В. Жуковскому (21 июля 1902 г.). – ИРЛИ. Доп. катал. (необработ. материалов): Онег. собр. 28.361/СССШ: б.37.
13. *Воронова Л.Я.* Перевод комедии «Ложный стыд» А. Коцебу в России // Поэтическое перешагивание границ. – Казань, 2002. – С. 52–57.
14. *Резанов В.И.* Из разысканий о сочинениях В.А. Жуковского. – СПб., 1906. – Вып. 1.
15. *Веселовский А.Н.* В.А. Жуковский. Поэзия чувства и «сердечного воображения» / Научн. ред., предисл. А.Е. Махов. – М.: INTRADA, 1999. – 448 с.
16. Василий Андреевич Жуковский. Его жизнь и сочинения. Сб. ист. лит. ст. / Сост. В.И. Покровский. Изд. 1-е. – М., 1904. – 312 с.
17. Василий Андреевич Жуковский. Его жизнь и сочинения. Сб. ист. лит. ст. / Сост. В.И. Покровский. Изд. 3-е, доп. – М., 1912. – 384 с.
18. *Архангельский А.С.* Итоги ста лет: Канун Пушкина (Обзор русской литературы). – Казань, 1907. – 494 с. (литографир.).
19. *Архангельский А.С.* Заметки на Программу по истории русской литературы и теории словесности, составленную комиссией ученого комитета – Казань: Типо-лит. Имп. Каз. ун-та, 1908. – 124 с.

Поступила в редакцию
05.09.06

Воронова Людмила Яковлевна – кандидат филологических наук, заведующий кафедрой русской литературы Казанского государственного университета.
E-mail: Ljudmila.Voronova@ksu.ru